

многих странах Ближнего Востока. Усиливающийся поток миграции из бедных стран в богатые, перемещение рабочих мест из стран «золотого миллиарда» в страны третьего мира с их дешевой рабочей силой — все это привело к росту националистических и ксенофобских настроений в ЕС и США и подъему правопопулистских партий и сил.

Кризис миропорядка, сложившегося за последние 25 лет, стал очевиден как никогда. И как никогда сегодня очевидно, что миру нужна сильная «левая альтернатива», которая предложила бы пути выхода из кризиса не только для отдельных стран, но и для мира в целом.

*О. Г. Буховец
доктор исторических наук, профессор
БГЭУ*

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ РАЗВИТИЯ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ

Если мы зададимся вопросом, как соотносятся ожидания времени «перестройки», «гласности» и так называемого «ускорения» в СССР с нынешним состоянием постсоветских обществ, то невозможно не констатировать, что между тем и другим поистине огромная дистанция. Разве не об этом свидетельствует деиндустриализация 1990-х и «нулевых» годов XXI в., снижение качества образования и общая культурная демодернизация, «третьемиризация» структуры экспорта и импорта и еще многое другое?

Почему же надежды на благосостояние постсоветских обществ оказались иллюзорными? Любой масштабный кризис проливает свет на экономический менталитет правящих и интеллектуальных элит, да и среднестатистических жителей различных стран. Наиболее разительными и неутешительными результатами такой «подсветки» кризисом оказались для большой группы постсоветских государств первые полтора-два десятилетия их независимости.

В частности, стало куда более очевидным, что в сознании широких слоев населения в бывших советских республиках на место прежней, если не веры, то надежде на «всевидящее око» Госплана, пришло, пожалуй, языческое по своей природе представление о том, что «невидимая рука рынка» будет сама собой обеспечивать экономическое процветание. Если немного перефразировать остроумное и образное замечание Я. Щепаньского (президента Международной социологической ассоциации) о Польше 1980-х гг., то окажется, что для решения экономических проблем экс-советских республик «есть два пути: первый — естественный, когда Господь Бог спустится на землю и реформирует их экономику. Второй — противоестественный, когда эту работу делают... сами жители этих стран!».

Еще более удивительно, что предрассудки относительно «саморегулирующейся» природы «невидимой руки рынка» в массовом порядке разделяли тогда также пред-

ставители правящих и интеллектуальных элит (впрочем, многие и поныне разделяют эти предрассудки). По-детски простодушно, совсем в духе Р. Пайпса, призывавшего «не оставить от советской экономики камня на камне!», в новых независимых государствах (ННГ) поступали с реальным сектором экономики, пуская под нож множество советских брендов.

Роль внешнего мира в экономике и политике ННГ весьма неоднозначна. С одной стороны, безусловный плюс — их вхождение в систему международных отношений плюрализирующегося мира, равно как и в международное разделение труда. Но с другой стороны, такое вхождение само по себе, как свидетельствует опыт, отнюдь не гарантирует им субъектность в современном мире. Ведь они, как правило, становятся объектом для поучений со стороны «коллективного Запада». Вначале по формуле «делай, как я», а затем нередко и по формуле «делай, как я сказал». Ускоренное вступление ННГ в международные экономические организации либо предоставление им там ассоциированного членства чаще всего становится непосильной ношей для их слабых экономик. В частности, Молдова, Грузия и Киргизия в числе первых из постсоветских республик вступили в ВТО. Но разве это обеспечило им какой-то ускоренный экономический рост? Накопленный постсоветский опыт (уже большой сам по себе), на наш взгляд, свидетельствует, что поспешное, очертя голову, вхождение ННГ во внешний мир принесло больше минусов, чем плюсов.

Значительную роль в том, что судьба постсоветской интеграции оказалась весьма трудной, сыграли ошибки в российской политике по отношению к ННГ. Как отмечает член-корреспондент РАН Р. Гринберг, российское руководство времен президентства Б. Ельцина оказалось в плену у двух ошибочных представлений. Первое — иллюзия «приползания», второе — теория «обузы». Считалось, что страны СНГ не смогут состояться в качестве дееспособных государств, и поэтому будут вечно зависеть от России. Россия же, по убеждению тогдашних правителей, сумеет быстро устроиться «на солнечной стороне жизни и без них» [1].

Если говорить о перспективах политического и экономического взаимодействия бывших советских республик, то они представляются в целом хорошими. Причем парадоксально, но их улучшению способствовал кризис Евросоюза. Ведь последний во времена своего успешного развития как бы отбрасывал «тень вторичности» на все постсоветские интеграционные проекты.

Ныне на интеграцию стран постсоветского мира во все большей степени начинают работать их общая история, сходство менталитета, сохранившиеся еще в достаточной мере общие культурно-цивилизационные «коды». По убеждению Л.Б. Вардомского, вопреки широко распространенным представлениям постсоветское пространство до сих пор «сохраняет определенный уровень целостности и своего рода «остаточную идентичность»». Это находит подтверждение «в размещении экономики и населения, транспортной сети, в широко используемых до сих пор советских технологиях, общем социокультурном и научном наследии», а также и в обширных социальных коммуникациях, которые «прослеживаются в сохраняющемся относительно более высоком уровне взаимной связанности по сравнению с окружающим миром» [2].

Чтобы полноценная интеграция в формате ЕАЭС состоялась, руководству стран, в ней участвующих, необходимо извлечь уроки из судьбоносных ошибок Евросоюза. Тех, которые ввергли в начале XXI в. этот самый масштабный и амбициозный интеграционный проект современного мира в рекордный по глубине и продолжительности системный кризис, дальнейшее обострение которого «гарантировано» за счет продолжающегося наплыва в ЕС иммигрантов и выхода из него Великобритании.

Литература

1. Гринберг, Р. С. Весна Евразийского союза: хрупкие надежды / Р. С. Гринберг // Мир перемен. — 2012. — №1. — С. 5.

2. Вардомский, Л. Б. Трансформация постсоветского пространства: идеи и проекты / Л. Б. Вардомский // Современные глобальные вызовы и Беларусь: институты, идеологии и стратегии социально-политического взаимодействия : в 2 ч. / Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол. : В. Н. Ватиль (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : ГрГУ, 2016. — Ч.1. — С. 82.

А. А. Бородуля

*кандидат философских наук, доцент
БГЭУ*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СЧАСТЬЯ ПО-СОВЕТСКИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Мы ориентируемся на исследование моделей визуальной репрезентации и раскрытие социальной логики, которая может дать трактовку многих событий. Дискурс объективности, как и любой дискурс власти, черпает свою действенность и монолитность из внутреннего противоречия.

В данном дискурсе объективность выступает как средство сокрытия и монополизации процедур забвения, которые являются органической составляющей любой политики памяти.

Визуализацию счастья по-советски мы рассмотрим в различных интерпретациях: само понятие счастья, счастье в киноискусстве, пионерское счастье, в музыке, в спорте, в культуре быта.

Что же такое счастье по-советски? Во-первых, оно может быть только всеобщим, общенародным, а лучше — планетарным. Оно может перерасти в «борьбу за мир во всем мире». Счастье делится на с-часть-е. «Я» выступает с некоей частью. Значит, «Я» — часть чего-то большого. Во-вторых, счастье по-советски не может быть «легким», как не могут быть легкими материальные ценности и деньги. Счастье нужно заполучить, добыть, завоевать, заслужить или «через тернии — к звездам!».

Вопрос счастья остро обсуждался и в знаковом кинофильме 1960-х «Доживем до понедельника». По сюжету старшеклассники пишут сочинение на тему «Что такое